

Н.Г. ПАШКИН
Екатеринбург

ВИЗАНТИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.: МЕЖДУ
ПАПСТВОМ И КОНЦИЛЯРИЗМОМ

Византия вступила в XV-е столетие в условиях, которые фактически не оставляли ей шансов на выживание. В любой момент империя готова была рухнуть под сокрушительным натиском османского нашествия. Ее собственные ресурсы были исчерпаны, и помочь христианского Запада была последней надеждой для византийских правящих кругов. Проблема поиска союзников отныне занимала центральное место среди задач, стоявших перед византийской дипломатией.

Определенные перспективы на этом пути открылись после 1402 г. В битве при Анкаре армия Тимура разгромила основные силы османов. Это событие временно предотвратило гибель византийского государства. Наступил период относительной стабилизации, а в некоторых аспектах даже динамичного развития империи¹. На протяжении этого времени в течении двух десятков лет дипломатия императора Мануила II Палеолога (1395–1425) разрабатывала варианты создания антитурецкого альянса, делая ставку прежде всего на союз с Венецианской республикой. Лишь провал подобных попыток побудил византийские круги к тому, чтобы в очередной раз разыграть религиозную карту и добиться поддержки Запада ценой заключения православно-католической церковной унии.

С тех пор, как раскол христианской церкви 1054 г. стал свершившимся и необратимым фактом, проблема унии периодически возникала во взаимоотношениях Византии с европейским миром. История раскола была одновременно историей попыток его преодоления². Пробным шагом на этом пути стала Лионская уния 1274 г. Ее провал

¹ MATSCHKE K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.

² ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Воссоединение церквей в исторической действительности//ВИ. 1994. № 7. С. 155–175.

на долгое время охладил стремление сторон к новому компромиссу. Однако со 2-й пол. XIV в. наблюдается резкое усиление прозападной ориентации в византийском обществе, латинофильские настроения охватывают значительную часть интеллектуальной элиты империи³. Во внешней политике постепенно возобладала ориентация на папство. Как всегда, эта проблема имела чисто политическую подоплеку и подогревалась убеждением в том, что только военная помощь Запада является единственным возможным средством спасения государства от турецкого завоевания. Однако на этот раз переговоры об унии протекали в особых условиях, которые к тому времени сложились в Европе.

Тогда как в Византии активизировались настроения в пользу заключения церковной унии с Западом, в недрах самого Запада происходили важные внутренние перемены, связанные с возникновением такого явления, как соборное движение, или конциляризм. Под этим термином следует понимать комплекс идей и возникшую на их основе реальную практику, направленную на преобразование организационных структур католической церкви. В такой форме проявляя себя кризис ее традиционного монархического уклада. Он был сопряжен с особенностями политического развития Запада и означал столкновение национально-государственных начал с державными амбициями папства, которое по-прежнему сохраняло черты космополитического наднационального института. Внешним выражением кризиса стало резкое падение авторитета папского престола. В 1378 г. разразился печально знаменитый церковный раскол, приведший к возникновению двоепапства⁴.

Конциляризм был попыткой найти выход из создавшегося положения. Его идеологи считали необходимым решительно пересмотреть роль и место папы в системе церкви. Отрицая принцип непогрешимости римского епископа, они предлагали подчинить его церковному собору. Собор становился, таким образом, высшей авторитетной инстанцией, наделенной сакральной властью. В нем могло быть представлено все христианское сообщество, включая православные народы. Отсюда проистекал интерес к проблеме восточной церкви, который отныне стали проявлять на Западе⁵.

Под знаменем концилиарной доктрины в 1-й пол. XV в. Европа вступила в полосу великих реформаторских соборов, которые состоялись в Констанце и в Базеле. На Констанцском соборе (1414–1418) ста-

³ Поляковская М.А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.)//АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 46.

⁴ Лозинский С.Г. История папства. М., 1986. С. 183.

⁵ ВЕСК Н.-Г. Byzanz und der Westen im Zeitalter des Konziliarismus//Die Geschichte des Konstanzer Konzils: Beiträge und Forschungen. Stuttgart, 1965. S. 141.

тус римского папы был существенно переосмыслен: он считался уже не наместником Христа, а лишь высшим представителем корпорации верующих⁶. Эти изменения имели немалое значение для византийцев с их проблемами, хотя едва ли они осознавали истинный смысл той трансформации, которую испытывала западная церковь. Папы, которые теперь подчинялись авторитету церковного собора, уже не могли жестко диктовать свою волю в вопросах, касавшихся церковной унии⁷. В результате стороны могли вступить в относительно равные переговоры, чего и добивалась византийская церковь. Переговоры, действительно, имели место уже в Констанце⁸. Однако окончательно курс византийской дипломатии на заключение унии сформировался лишь в 30-е гг., в период деятельности Базельского собора.

Базельский собор продолжал реформу церкви в соответствии с концилиарными принципами. Однако папство уже успело оправиться после «великой схизмы». Тяготясь ограничениями, наложенными на него в Констанце, оно теперь стремилось к восстановлению своей верховной власти внутри вселенской церкви. Ожесточенный конфликт, который разгорелся между папой Евгением IV и Базельским церковным собором, поверг католический мир в состояние нового кризиса.

В силу исторических обстоятельств византийцы оказались вовлечены в этот конфликт. Отныне им предстояло сделать важный выбор в пользу одной из сторон, представлявших латинскую церковь, и вести переговоры либо с папой, либо с собором. Греки оказались перед сложной проблемой, смысл которой состоял в вариативности путей заключения унии. Перед ними открывалась принципиальная возможность вести переговоры в русле соборного движения, признав те изменения в положении папства, которые произошли в соответствии с концилиарной теорией. На карту была поставлена судьба не только унии, но и самого конциляризма: было совершено ясно, что исход внутрицерковной борьбы на Западе во многом зависит от того, на чьей стороне окажутся греки⁹.

На первых порах казалось, что Базельский собор твердо взял в свои руки процесс заключения унии, решительно отстраняя от участия

⁶ LEIDL A. Die Einheit der Kirchen auf den spätmittelalterlichen Konzilien: von Konstanz bis Florenz. Paderborn, 1966. S. 68-69.

⁷ МЕЙЕНДОРФ И.Ф. Флорентийский собор: причины исторической неудачи//ВВ. 1991. Т. 52. С. 92.

⁸ ZHISHMAN J. Die Unionsverhandlungen zwischen der orientalischen und römischen Kirchen seit dem Anfange des XV. Jahrhunderts bis zum Konzil von Ferra. Wien, 1858.

⁹ LEIDL A. Op. cit. S. 37.

в нем папу¹⁰. Между тем византийская дипломатия на протяжении нескольких лет пыталась вести двойную игру в духе своих лучших традиций. Но в конечном итоге ее истинные симпатии выявились совершенно четко. Византийцы категорически отказались ехать для заключения унии в Базель, отрицая в корне его право считаться вселенским униатским собором. Непримиримая оппозиция Базеля по отношению к папе лишь ускорила их сближение с главой римской церкви. Этот союз был окончательно оформлен унией во Флоренции 1439 г.

С точки зрения политической целесообразности трудно объяснить сделанный византийцами выбор, означавший полный разрыв с конциляризмом и союз с папским Римом. Папство уже не имело возможностей оказать Византии необходимую ей помощь. В то же время за реформаторскими соборами XV в. стояла светская Европа. Когда послы из Базеля в последний момент пытались убедить императора Иоанна VIII Палеолога в том, что их поддерживают западные государи, то это были не пустые слова¹¹. Тем не менее, позиция византийцев осталась неизменной. Их выбор вовсе не был результатом экспромта. Напротив, прослеживается определенная закономерность. Переговоры в Констанце смогли начаться лишь после того, как состоялись выборы папы¹². Позднее в конфликте между Базельским собором и папой греки твердо встали на сторону последнего.

Причины подобной «пропапской» ориентации имели весьма глубокие корни. Безусловно, византийцы и латиняне были едины во мнении о христианской церкви как о едином вселенском институте и в осознании раскола как противоестественного и трагического явления. Однако их взгляды относительно природы этого единства и способов преодоления раскола существенно расходились. Представления греков находились под сильным влиянием категорий имперского мышления. Они происходили из древней ойкуменической теории, которая просуществовала на протяжении всей византийской истории¹³. Согласно ей, власть византийского императора теоретически распространялась на все христианское мировое сообщество, вне зависимости от того, как далеко простирались собственно государственные границы империи. Их несоответствие границам ойкумены воспринималось как факт про-

¹⁰ Пашкин Н.Г. Византия и соборное движение в Европе первой половины XV в.//АДСВ. 1997. Вып. 28. С. 113.

¹¹ Brief des Dekans von Braga Rodrigo de Diego/Hrsg. von. G. Hofman//OCHP. 1943. Bd. IX. S. 183.

¹² ВЕСК Н.-Г. Op. cit. S. 144.

¹³ Медведев И.П. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств)//Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е.В. Тарле. Л., 1972. С. 412-424.

тивоестественный и преходящий. В XIV–XV вв. эта доктрина уже не имела ничего общего с реальностью, однако по-прежнему была в употреблении.

Одним из ключевых элементов подобных представлений являлась так называемая теория пентархии. Она предполагала, что вселенская церковь возглавляется пятью патриархами – Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Именно она легла в основу формирования византийской концепции «вселенского собора», на котором требовалось обязательное присутствие всех патриархов, либо их представителей, даже когда ближневосточные епархии утратили свое значение. В представлении греков именно такой собор был главным и непременным условием, если вообще могла идти речь о воссоздании единства христианской церкви¹⁴. По их мнению, лишь вселенский собор гарантировал восточной церкви равноправное положение по отношению к папскому престолу.

Развитие экклесиологической мысли на Западе шло в совершенно ином направлении. Византийские представления о вселенском соборе уже не находили здесь отклика и не воспринимались теми представителями латинского мира, которые стояли на позициях концилиаризма. Концилиарная идеология отражала интересы формирующихся в Европе национальных церквей. Реформаторские соборы XV в. можно считать первыми представительными конгрессами европейских наций, начинаяющих свое становление.

Эта политическая реальность не могла не оказать влияния на западных интеллектуалов, отвергавших имперско-византийскую концепцию вселенского собора. Во время переговоров византийцев с депутатами в Базеле последние отказались считать вселенским собором, который папа и император предлагали созвать в Константинополе. Они недоумевали, почему небольшая группа прелатов во главе с папским легатом может выступать от имени всего латинского Запада, в то время как соберутся представители всех народов (*ex omnibus nationibus*) христианского Востока¹⁵. Напрашивался вопрос: где представители европейских наций?

С точки зрения греков, подобная критика была беспочвенной. По их мнению, присутствие полномочных представителей римского папы было достаточным условием для того, чтобы церковный собор мог считаться вселенским. Однако идеология соборного движения отрицала этот принцип и противопоставляла ему систему представительства

¹⁴ МЕЙЕНДОРФ И.Ф. Ук. соч. С. 86.

¹⁵ Concilium Basiliense: Studien und Dokumente/Hrsg. von J. Haller u. a. Basel, 1896. Bd. 1. S. 352.

по нациям. Идею вовлечения византийцев в эту систему развивал уже германский император Сигизмунд, известный своими симпатиями к конциляристам. В одном из своих писем византийскому императору Мануилу II¹⁶, написанном незадолго до Констанцского собора, он фактически предлагал идею политической унии двух империй на основе унии восточной и западной церквей. При этом Сигизмунд допускал возможность сохранения двух носителей императорской власти, апеллируя к опыту позднеримской государственности. Однако он предлагал византийскому государю изменить свой титул и именовать себя «imperator Graecorum», вместо «imperator Romaeum»¹⁷. Тем самым Сигизмунд как бы подчеркивал национальные границы его власти. На вселенский собор, который он предлагал созвать, явились бы не византийцы, не римляне, а просто греки, которые заняли бы там свое место среди других европейских наций. Однако консервативное мышление византийцев отвергало подобные принципы. Они были несовместимы с тезисом о том, что византийский император является номинальным главой мирового христианства, а восточная делегация на вселенском соборе представляет вторую половину церкви¹⁸. Базельский «концилиарный» собор не только не отвечал этим требованиям, но и, разорвав с папой, вообще переставал быть легитимным в глазах греков, не вписываясь в привычную для них систему пентархии.

Как уже было отмечено, теория пентархии была оборотной стороной идеи универсальной христианской империи. Хотя с XIV в. эта идея встречала все более критическое отношение со стороны византийской интеллигенции, она продолжала культивироваться официальной политической пропагандой¹⁹. Однако условия последних десятилетий византийской истории резко ограничили поле ее функционирования. На исходе XIV столетия наблюдается трансформация теории ойкуменизма, которая оказалась под защитой церкви. Отныне последняя должна была отстаивать светский универсализм, опираясь на тезис о неразрывном единстве и неотделимости империи от церкви²⁰. Это хорошо видно на примере послания патриарха Антония к Московскому князю Василию I.

В международном политическом аспекте принцип нерасторжимо-

¹⁶ Acta Concilii Constanciensis/Hrsg. von H. Finke u. a. Münster, 1896. Bd. 1. S. 394-399.

¹⁷ Ibid. S. 397.

¹⁸ МЕЙЕНДОРФ И.Ф. Ук. соч. С. 93.

¹⁹ ПОЛЯКОВСКАЯ М.А., МЕДВЕДЕВ И.П. Развитие политических идей в поздней Византии//Культура Византии: XIII – I-я пол. XV в. М., 1991. С. 276.

²⁰ СМЕТАНИН В.А. О византийской аргументации теории универсальной власти (на исходе XIV столетия)//АДСВ. 1995. Вып. 27. С. 56.

сти этих двух институтов – империи и церкви – нашел выражение в той особой ценности, которую приобрело для греков старое учение о пентархии. С одной стороны, эта теория поддерживала престиж восточной церкви, а с другой – оправдывала подход к международным делам с позиции той же ойкуменистической доктрины, когда политический компонент ее, утверждавший универсализм власти византийского императора, не выдерживал никакой критики. В этом случае понятным становится выбор Византии в пользу политического сближения с папством. В союзе с ним получал хотя бы формальное признание подлинно императорский статус византийского правителя²¹. С точки зрения греков, это было возможно лишь на подлинном вселенском соборе. Ферраро-Флорентийский собор мог таковым считаться, поскольку соответствовал древним канонам и был настоящим воплощением пентархии. В то же время на «концилиарных» соборах в Констанце и Базеле византийцы могли быть представлены лишь наравне с другими европейскими народами. Это означало иные принципы международного общения и включения Византии в европейскую политику. Именно к этому она оказалась не готова. Многовековые имперские традиции оказались несовместимы с принципами политического суверенитета, которые прокладывали себе путь на Западе.

Наложение двух универсализмов – папского и имперско-византийского – обернулось крушением европейского конциляризма. Во Флоренции были приняты постановления о папском примате, которые опровергали «концилиарные» представления о главе римской церкви и в прежнем объеме возвращали ему авторитет наместника Христа²². Но укрепление монархической структуры церкви на Западе продлилось недолго. Что же касается флорентийской унии, то она умерла еще раньше.

N. G. Paškin
Ekaterinburg

DIE BYZANTINISCHE AUßenPOLITIK DER ERSTEN HÄLFTE DES XV. JH.S ZWISCHEN PAPSTTUM UND KONZILIARISMUS

Es werden die Ursachen untersucht, die zu einer Annäherung zwischen Byzanz und dem Papsttum führten, die 1439 in der Union von Florenz ihren Ausdruck fand. Die Byzantiner waren außerstande, Verständnis für die Reformatoren der westlichen Konzilsbewegung zu gewinnen. Dem standen die Stereotype des überkommenen byzantinischen politischen Denkens entgegen.

²¹ МЕЙЕНДОРФ И.Ф. Ук. соч. С. 93.

²² LEIDL A. Die Primatsverhandlungen auf dem Konzil von Florenz als Antwort auf den westlichen Konziliarismus und die östliche Pentarchietheorie//Annuario Historiae conciliorum. 1975. Bd. 7. S. 288-289.